

УДК 94 (470) «1801/1815»

Шляпникова Е.А.¹

СУДЬБЫ ОРГАНИЗАТОРОВ ПЕРЕВОРОТА 1801 ГОДА

Липецкий государственный технический университет

Shlyapnikova E.A.

THE FATE OF THE ORGANIZERS OF THE COUP OF 1801

Lipetsk State Technical University

Реферат: *Статья посвящена судьбе основных действующих лиц дворцового переворота 11 марта 1801 г. В исторической литературе заговор против императора Павла I рассматривается в основном с точки зрения изучения его личности и периода правления. Отношение общества к фигуре императора и его убийству отразилось на судьбах центральных фигур заговора. Любой монарх считался фигурой сакральной, даже умысел против его жизни, согласно существовавшим нормам права, был недопустим и должен был караться смертной казнью. Эпоха дворцовых переворотов поколебала это убеждение. И все же в русском обществе идеи переворота и цареубийства не приветствовались. Заговорщики, движимые, прежде всего личными интересами, старались представить себя избавителями страны от безумца и тирана. Они рассчитывали на недовольство крутым нравом Павла I и политикой сближения с Францией, вопреки экономическим интересам, ориентированным на Англию. Однако после переворота заговорщики, хотя и не стали изгоями в высшем петербургском обществе, воспринимались с настороженностью. В основном они сохранили свои позиции, что породило разговоры о безнаказанности цареубийцы, намеки на соучастие в заговоре великих князей. Удаление наиболее опасных и раздражающих фигур из числа заговорщиков спровоцировало размышления о причинах отставок. И, тем не менее, переворот 1801 г. и последующая судьба его организаторов стал исходной точкой дворянского оппозиционного движения. Переворот 1801 года спровоцировал в русском обществе рефлекссию по вопросам о сущности самодержавия.*

Ключевые слова: *дворцовый переворот, дворянство, Павел I, Александр I, Н.П.Панин, П.А.Пален, П.А.Зубов, Л.Л.Беннигсен.*

Abstract: *The article is devoted to the fate of the main actors of a Palace coup March 11, 1801, In the historical record a conspiracy against the Emperor Paul I is considered mainly from the point of view of studying of his personality and reign. The*

¹ Шляпникова Елена Арсеньевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, теории государства и права и конституционного права Липецкого государственного технического университета.

attitude of society to the figure of the Emperor and his murder affected the lives of the Central figures in the conspiracy. Any monarch was considered a sacred figure, even intent against his life, in accordance with existing rules of law, was invalid and should have been punished with the death penalty. The era of Palace coups have shaken this belief. And yet in Russian society ideas of the coup and the regicide were not welcome. The conspirators, driven primarily personal interests, tried to present themselves as liberators of the country from a madman and a tyrant. They were counting on dissatisfaction with the temper of Paul I and the policy of rapprochement with France, despite the economic interests, focused on England. However, after the coup, the plotters, though not become outcasts in the highest Petersburg society was perceived with suspicion. They mostly kept their positions, which gave rise to talk of impunity for regicides, hints of complicity in the conspiracy of the Grand Dukes. Removing the most dangerous and annoying figures of the conspirators and provoked reflections on the causes of resignations. Nevertheless, the coup of 1801 and the subsequent fate of its organizers became the starting point of the noble opposition movement. The coup in 1801 provoked in Russian society reflection on questions about the nature of autocracy.

Keywords: *a Palace coup, the nobility, Paul I, Alexander I, N.P.Panin, P. A. Palen, P. A. Zhubov, L. L. Bennigsen.*

«... ни об одном из российских переворотов XVIII в. столько не размышляли и не писали, как о событиях 1801 г.», - замечал Н.Эйдельман [16, с.10]. Эпоха дворцовых переворотов вызвала в общественном мнении России эволюцию представлений о проблемах монархической власти, ее преемственности и легитимности. Но царевубийство рассматривалось как преступление, поэтому заговор 11 марта 1801 г. стоял особняком. Его участники неизбежно должны были стать изгоями, в надежде смягчить реакцию на переворот, они подготавливали общество слухами о безумии императора и подогревали недовольство его непоследовательной политикой. Сохранение основными деятелями переворота своих должностей при новом царствовании вызвало порицание в обществе. Алек-

сандра I упрекали в безнаказанности заговорщиков и даже зависимости от некоторых из них. Их судьба оказала влияние на формирование дворянского оппозиционного движения начала XIX в.

Однако судьба главных действующих лиц событий 1801 г. почти не привлекала внимания исследователей. Возможно, из-за того, что их архивы были изъяты. «Наше правительство, – вспоминал декабрист С. Г. Волконский, – следит за всеми, кто пишет записки» [16, с.11]. Бумаги Платона Зубова после его смерти в 1822 г. были конфискованы по приказу Александра I. Правительство Николая I заставило отдать важные секретные бумаги родственников Леонтия Бенигсена и пыталось похитить то, что не было доставлено в Петербург. Возможно потому, что

главные действующие лица исчезли с авансцены истории.

После переворота 11 марта 1811 г. полагали, что «заговорщики сделаются новыми любимцами. Мнение это было ошибочно, но вначале разделялось многими» [15, с. 409]. В достаточно короткий срок все главные участники заговора против Павла I оказались в опале. Говоря о судьбе двух ведущих фигур заговора, П.А.Палена и Н.П.Панина, современник констатировал: «Карьера их была навсегда закончена, и обоим им пришлось навсегда отказаться от государственной деятельности, которая между тем была их стихией, и закончить существование в одиночестве и полном забвении» [17, с. 284].

У истоков заговора наряду с Н.П.Паниным стоял Осип Михайлович де Рибас, испанский дворянин на русской службе. Основатель Одессы на ее строительстве зарабатывал примерно полмиллиона в год, кроме того получал доход с каждого купеческого корабля, проходившего через таможи. Вскоре после воцарения Павла I де Рибас был вызван в столицу для разбирательства, но благодаря связям жены, внебрачной дочери И.И.Бецкого, отделался недолгой отставкой. В 1798 г. Рибас был назначен генерал-кригскомиссаром, членом Адмиралтейств-коллегии и управляющим Лесным департаментом. Однако не было никакой гарантии, что его дело не будет возобновлено. Эта угроза и подтолкнула к участию в заговоре. В 1799 году Рибас получил чин адмирала, стал помощником вице-

президента Адмиралтейств-коллегии и руководил строительством по своему плану новых укреплений Кронштадта. Все говорило в пользу того, что Осип Михайлович сумел добиться расположения Павла. Внезапно в декабре 1800 г. пятидесятилетний адмирал умер. Его скоропостижная смерть породила слух о его отравлении П.А. Паленом из опасения, что больной проговорится в бреду, то ли по подозрению, что адмирал переметнулся на сторону императора. Так что круг его жизни завершился раньше, чем состоялся переворот.

Идейным центром заговора против Павла был граф Никита Петрович Панин. «Этому человеку, казалось, было предназначено более чем другому играть важную роль в делах государства. Он имел для этого все, что было нужно: известное в России имя, недюжинные таланты и большое честолюбие», [11, с. 210] - такими словами характеризовал Н.П. Панина кн. А. Чарторыйский. Вступление Павла I на престол ознаменовалось для Никиты Петровича неблагоприятным поворотом в карьере. С поста губернатора Гродно его отправили командовать Псковским драгунским полком, расквартированным в Финляндии. Оскорбленный таким назначением, Панин намеревался уйти в отставку. Недоброжелательность царя объяснялась расположением Екатерины II к Паниным. Между тем поговаривали, будто бы Панин некогда сообщил Павлу Петровичу о заговоре, матери против него, на что получил резкий ответ: «Идите, предатель, и не пока-

зываются никогда мне на глаза» [6, с. 170-171]. У импульсивного Павла за его долгий путь к трону накопилось достаточно мотивов для недоверия и неприязни. Удержали Панина от отставки князь Н.В. Репнин и императрица Мария Федоровна, которую он поддержал в ее противостоянии с Е. Нелидовой. В конце 1796 г. не без протекции его родственников Куракиных граф был определен в Иностранную коллегию. Однако Никита Петрович не питал иллюзий будто это назначение является знаком перемены в отношении императора.

В 1797 г. Панин получил назначение посланником в Берлин, принятое им с неохотой, так как презирал прусский двор, чья дипломатия зависела от Наполеона. Находясь в Пруссии, он с надеждой ловил слухи о вакансиях. Однако покинуть Берлин смог лишь в связи с закрытием миссии в 1799 г. В России получил должность вице-канцлера, но особого влияния не имел, все дела шли через Ф.В. Ростопчина. Отношения же Панина и главы иностранной коллегии не сложились. Когда осенью 1800 г. началась работа над союзным договором между Россией, Пруссией, Швецией и Данией (Лига северных стран), Панин, сторонник союза с Англией, в изменившейся политической обстановке был не к месту. Он подал в отставку и уехал в родовое имение Дугино. Однако Ростопчин пытался его еще больше скомпрометировать: с помощью перлюстрированной почты обвинил Панина в заговоре. Спас Никиту Петровича Пален, представивший

императору в качестве автора письма мелкого чиновника Приклонского. И в отставку отправился Ростопчин.

Из всех организаторов лишь Панин вынашивал мысль о перевороте из соображений идейного порядка. Как утверждали знавшие графа люди, он «желал не только падения безумного царя», но и «ограничить самодержавие, заставив Александра в первую минуту принять этот конституционный акт и утвердить его своей подписью» [12, с. 142]. В петербургском обществе не сомневались, что именно он первым выдвинул перед наследником престола идею регентства. Панин предполагал Павла объявить сумасшедшим, как Георга III Англии. Александр должен был занять место «принца-регента». «Как вам известно, - писал Кочубей, - Панин первый говорил с нынешним императором о необходимости регентства» [3, с. 245-246]. Никита Петрович убеждал великого князя в необходимости такого шага и во имя сохранения династии, ссылаясь на угрозы Павла I заточить императрицу и старших сыновей в крепость. «Я старался разбудить самолюбие Александра и запугать его альтернативой - возможностью получения трона, с одной стороны, и грозящей тюрьмой или даже смертью - с другой», [15, с. 254] - раскрывал граф свои методы воздействия на великого князя.

Во время переворота Панин находился у себя в имении. Касаясь роковых событий 11 марта 1801 г., всегда подчеркивал, что окажись он в Петербурге, то «сопротивлялся бы

позорным делам, совершенным погрязшей в пороках разбойничьей бандой» [7, с. 483]. Таким способом граф пытался отмежеваться от содеянного и убедить общество, что его план регентства, не допускал мысли об убийстве Павла I.

На следующий день после убийства императора Никита Петрович был вызван в Петербург и получил должность канцлера. Против назначения первоначально возражала вдовствующая императрица Мария Федоровна на основании слухов о его причастности к заговору 11 марта. Впрочем, она удовлетворилась тем фактом, что Панина не было в столице в момент убийства. Мария Федоровна даже передала графу бриллиантовое перо с бантом и портрет Павла I, сопроводив дары благосклонным письмом. Кроме того, граф сумел восстановить ее доверие, поддержав ее в противостоянии с Паленом.

Однако уже 30 сентября 1801 г. Панин обратился за отставкой и получил трехгодичный отпуск по болезни, рассчитывая все же на возвращение к делам. [1, с. 304; 3, с. 443] Однако император не видел его в своем окружении. При обсуждении кандидатур в министры иностранных дел, Александр I обронил: «Не собираетесь ли предложить еще графа Панина?» [2, с. 261]. Отпуск канцлера превратился в бессрочный. Внезапность и отсутствие очевидных причин устранения Панина породили многочисленные догадки по поводу отстранения. Среди них судьба его конституционного проекта. По словам современника, «...трое

ходили тогда с конституциями в кармане — речистый Державин, князь Платон Зубов со своим изобретением и граф Н. П. Панин с конституцией английскою, переделанною на русские нравы и обычаи. Новосильцеву стоило тогда большого труда наблюдать за царем, чтобы не подписать которого-либо из проектов; который же из проектов был глупее, трудно описать: все три были равно бестолковы» [5, с. 341]. Отказ императора от конституционных намерений мог вызвать демарш со стороны Панина.

Высказывались догадки о расхождении с царем во внешней политике. В начале царствования Александр I выбрал тактику отказа от союза с какой-либо державой. Панин выступал в пользу тех, которые дали бы России возможность балансировать между Францией и Англией. Противником этой внешнеполитической линии был посол в Англии С.Р.Воронцов. В своей борьбе против канцлера Воронцов не погнушался довести до сведения императора личное письмо Панина, в котором говорилось, о непостоянстве Александра I и придворных интригах.

Союзником Воронцова оказался воспитатель императора Ц. Лагарп, обвинивший Панина в намерении сконцентрировать внешние дела в своих руках. Колкие суждения Никиты Петровича и намеки на излишнюю самостоятельность канцлера производили неблагоприятное впечатление на мнительного Александра I. В сентябре 1801 г. вице-канцлер А.Б. Куракин, сторонник русско-

французского союза, добился права присутствовать при беседах Панина с императором и на приемах послов. Это было признаком ослабления позиций канцлера.

Однако интриги и политические расхождения между Паниным и царем в петербургском обществе не считали главными причинами опалы. В.П.Кочубей высказал подозрение, что Александр I «имеет что-то против Панина из-за революции, которая возвела его на престол» [4, с. 245-246]. Поговаривали, что у Панина есть письменное свидетельство того, что Александр поддерживал план заговора. Впрочем, граф никогда не обнародовал этот документ. Как бы то ни было, Александра I тяготило присутствие рядом человека, посвященного в компрометирующие детали династических перипетий. Панин, «постоянно преследуемый шпионами, ходившими за ним по пятам», об этом догадывался. [11, с. 244]. Он писал императору: «...если ваше величество считает меня причиной акта, который, как вы полагают, пятнает вашу славу, то мое присутствие должно быть для вас невыносимо; я готов избавить вас от него...» [10, с. 383].

С 1804 г. Панин, лишенный права въезда в столицы, жил в смоленском имении Дугино. Ему так и не удалось восстановить свою репутацию в глазах монарха, вернуться к службе. Попытки Н.П.Панина и его родственников выяснить причины опалы и восстановить его в правах оставались без ответа. В императорской семье придерживались мысли, что заговорщики должны были взять

всю вину на себя. «Если бы они не впутывали сына в дело свержения отца с престола, а принесли бы себя в жертву, обрекая себя на верную смерть, то оказали бы России и ее новому властелину большую услугу: на последнего бы не пало бы и тени преступления...», - такова была логика рассуждений представителей царствующего дома [11, с. 236].

Подлинным мотором заговора был петербургский генерал-губернатор Петр Алексеевич Пален. По убеждению современников, заговор был «тело без души до тех пор, пока душою их не сделался граф Пален [15, с. 369]. Он начал службу при Екатерине II и благодаря протекции ее фаворита Платона Зубова достиг ее пика в 1795 г.- был назначен курляндским генерал-губернатором. А уже через 2 года Павел I отправил Палена в отставку за почести, оказанные им своему благодетелю при проезде через вверенные земли. Но вскоре он возвратился на службу вначале в качестве командира Конной гвардии и инспектора кавалерии, а затем стал петербургским военным губернатором. Затем он сумел устранить своего недруга Ф. Ростопчина с должности первоприсутствующего в Коллегии иностранных дел и главного директора почтового департамента. Влияние Палена было огромным. По свидетельству современников, «все повеления государя проходили чрез его руки и им объявлялись. Павел, обыкновенно столь недоверчивый, предался ему совершенно; он был всемогущ» [15, с. 369]. Оттого участие петербургского военного

губернатора в заговоре 1801 г. расценивалось как предательство, а имя стало символом интриганства: «настоящий демон интриги и истинный сын Макиавелли» [8, с.219].

Петр Алексеевич объяснял свое участие в заговоре тем, что из-за переменчивого настроения Павла I никто не мог быть уверен в своем будущем, тем более те, кто находился у подножия власти [15, с. 178]. Хорошо знавший Палена, А.Ф. Кощебу свидетельствовал: «Недоставало ему безопасности, одной безопасности, без которой, хотя и осыпанный всеми милостями и всеми дарами счастья, он уподоблялся Дамоклу, над главою которого постоянно висел меч на волоске!» [15, с. 370].

Именно Пален привлек к заговору таких ключевых участников, как Платон Зубов и Беннигсен. Ему же удалось заручиться поддержкой великого князя Александра. Он действовал как лестью, так и прогнозами о его мрачном будущем при сохранении на троне Павла. От позиции наследника престола зависела и сама возможность переворота. Возможно, что решающим аргументом стал показанный Александру указ императора о заключении под стражу Марии Федоровны, его самого и Константина. Благодаря этому Пален «исторгнул у Александра согласие низвергнуть с престола отца его» [15, с. 123].

Сыгравший ведущую роль в подготовке переворота, в роковую ночь Пален со своим отрядом, вероятнее всего умышленно, заблудился в аллеях Летнего сада и объявился в

Михайловском дворце, когда все было кончено.

П.А. Пален, отличавшийся умением выкручиваться из самых неприятных ситуаций, оказался единственным заговорщиком, чья карьера при новой власти оказалась самой короткой. Даже полковой адъютант А. Аргамаков, который 11 марта провел заговорщиков в кабинет Павла I и непосредственно участвовал в его убийстве, дослужился до полковника и в отставку был отправлен в 1809 г. В. Яшвиль, один из убийц императора, из артиллерийского батальона был переведен в лейб-гвардейский. Пален вначале сохранил за собой все свои должности. Несколько месяцев казалось, что его позиции незыблемы, но граф переоценил устойчивость своего положения. Как вспоминал очевидец, «Пален воображает, будто находится в такой милости, что может бороться с императрицей» [17, с. 232]. Вдовствующая императрица Мария Федоровна ненавидела всех заговорщиков, но особенно яростными были ее стычки с Паленом, которого она считала предателем, так как он был из числа наиболее доверенных лиц Павла I, и потому что помешал осуществлению ее собственных расчетов на престол. И в этом противостоянии граф проиграл.

Поводом стала икона с надписью: «Хорошо ли быть Симрию, задушившему своего господина?», которую вдовствующая императрица повесила на видном месте. Пален распорядился икону, намекающую на обстоятельства смерти Павла, незаметно убрать со стены воспита-

тельного дома. Мария Федоровна воспротивилась и объявила Александру I, что не вернется в Петербург, пока там находится Пален. Неожиданно ее поддержала с требованием немедленной ссылки семейства Паленов в их курляндское имение императрица Елизавета Алексеевна. Ее позиция вероятнее всего объяснялась тем, что жена Палена, Юлиана Шеппинг, долгие годы следила за домашней жизнью наследника – цесаревича Александра. Холодная, строгая, неприветливая дама внушала недоверие Александру и Елизавете, которые подозревали ее в шпионаже для Марии Фёдоровны.

Падение петербургского генерал-губернатора можно было бы отнести на счет Марии Федоровны, если бы не быстрое согласие Александра I. Очевидно, что его раздражало присутствие при Дворе заговорщиков, а Пален он винил в том, что тот не сдержал обещания сохранить жизнь Павлу I. Царь лишь воспользовался представившимся случаем.

В июне 1801 г. граф внезапно был уволен от службы с повелением выехать в свое имение в Курляндии, где ему было суждено провести оставшуюся жизнь, а умер он в 1826 г. глубоким стариком. По свидетельству Д.Х. Ливен, «в годовщину 11 марта регулярно напивался к 10 часам вечера мертвецки пьяным, чтобы опаматоваться не раньше следующего дня» [15, с. 243]. При этом граф никогда не раскаивался в своем участии в заговоре 11 марта 1801 г.

П.А. Пален стремился опереться на доверенных людей. Осто-

рожный генерал-губернатор не собирался лично участвовать в покушении, сомнительную честь стать действующим лицом цареубийства он перекладывал на других, в частности – на Беннигсена. Отсутствие симпатий к императору и хладнокровие которого давали Палену основания надеяться, что тот примкнет к заговору. С Леонтием Леонтьевичем они были знакомы со времен очаковской осады. С воцарением Павла он также не избежал отставки из-за подозрений в проанглийских симпатиях и тесных отношениях с Зубовыми. Через некоторое время хлопотами Палена Беннигсен был возвращен в Петербург, где натолкнулся на постоянно меняющееся настроение императора: «Приезжаю в Петербург; сперва я довольно хорошо принят Павлом; но потом он обращается со мною холодно, а вскоре совсем перестает смотреть на меня и говорить со мной. Я иду к Палену и говорю ему, что все, что я предвидел, оправдалось, что надеяться мне не на что, зато много есть чего опасаться, поэтому я хочу уехать как можно скорее» [14, с. 185-186].

Леонтий Леонтьевич излагал разные версии своего привлечения к заговору. По меткому замечанию А. Коцебу, «этот человек обладал непостижимым искусством представлять почти невинным свое участие в заговоре» [15, с. 352]. Обида стала главным движущим мотивом участия Беннигсена в заговоре против Павла I. Однако сам он в своих записках, письмах и разговорах всегда старался перевести мотив личных счетов к теме всеобщего недоволь-

ства павловским царствованием. Расстройство управления, по мнению Беннигсена, было таким глубоким, «что надо было рано или поздно предвидеть падение империи» [15, с. 112].

Великий князь Константин имел все основания называть Беннигсена «капитаном 45-ти» [15, с. 147], так как он возглавил ту самую из двух колонн, которая и проникла в Михайловский дворец. Через потайную дверь, выходящую в сад, они вошли в покои императора. По воспоминаниям, заговорщики, ворвавшись в спальню, в первую минуту не нашли Павла в постели. Беннигсен отыскал его за панелью одной из ширм и объявил, что «вашему царствованию наступил конец; откажитесь от престола, напишите и подпишите» [15, с. 273]. Павел сделал попытку скрыться в соседней комнате, где хранились шпаги офицеров, находившихся под арестом. И вновь Беннигсен пресек попытку императора спрятаться. Он запер двери в кладовку и на половину императрицы.

Не отрицая своего активного участия, Леонтий Леонтьевич всегда утверждал, что не был свидетелем убийства императора. В своих записках, не останавливаясь на подробностях, он называл имена Яшвиля и Татаринова, давая понять читателю, что они и есть главные виновники цареубийства. Он представлял цареубийство, как случайность, вызванную тем, что офицеры, после выпитого на ужине у генерала Талызина, ложно истолковали брошенную Паленом фразу: «Господа, где

готовят яичницу, там бьют яйца» [9, с. 557]. Известно целых четыре версии того, что делал Беннигсен в роковую минуту. Все они преследовали одну цель - снять с себя грех цареубийства. Жозеф де Местр приписывал ему фразу: «Свержение и заключение его (*Павла I*) были необходимы, но смерть является уже свинством» [5, с. 412]. Несмотря на все оправдания, за Беннигсеном закрепилось прозвище «длинный Кассиус», по аналогии с убийцей Цезаря Гаем Кассием Лонгином.

Александр I не простил Беннигсену участия в заговоре. Хотя он, участвовал в коронации, был произведен в генералы от кавалерии (1802), но император признавался в узком кругу, что ему «очень неприятно с ним видиться вследствие воспоминаний о прошлом» [14, с. 49]. Назначение Беннигсена литовским генерал-губернатором, по сути, явилось почётной ссылкой. Два года провел он вдали от столицы, не надоедая просьбами о возвращении. За это время фельдмаршальский жезл получили П. Витгенштейн и Ф. Сакен, у которых был менее внушительный послужной список. Таким образом, император выполнил требование своей матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, чтобы он никогда не жаловал Беннигсену маршальского жезла [15, с. 152]. В 1804 г., в преддверии войны с Наполеоном, генерал вновь был вызван в Петербург.

С западной стороны Казанского собора в Санкт-Петербурге наряду с памятниками М.И.Кутузову и М.Б.Барклаю де Толли предполага-

лось установить еще и памятник Леонтию Беннигсену, как полководцу, отличившемуся в период коалиционных войн с Наполеоном. Монумент должен был представлять собой фигуру в полный рост в наброшенном на плечи плащ-накидке, а его отличительной деталью являлся удлинённый клинок «рыцарского» меча. Однако Николай I, запретивший упоминание имен участников переворота 11 марта 1801 г., отверг предложение о памятнике полководцу с неоднозначной репутацией.

Пален также привлек к заговору князя Платона Зубова. Последний фаворит Екатерины Великой был отставлен Павлом от всех своих 36 должностей, его имения конфискованы. Зубову нечего было терять. Бывший камердинер императора граф И.П. Кутайсов в обмен на 200 тыс. рублей золотом и обещание Платона Зубова жениться на его дочери добился возвращения всего клана в Петербург. Платон и Валериан Зубовы получили назначение на посты директоров 1-го и 2-го Кадетских корпусов, а Николай Зубов стал шефом Сумского гусарского полка. Дом Платона Зубова стал штаб-квартирой заговорщиков: «у Зубовых собирались маленькие вечеринки, на которых они высматривали, кого набрать в свои сотоварищи для последнего действия» [15, с. 121]. Впрочем, и замысел переворота возник в салоне Ольги Александровны Жеребцовой, сестры Зубова. Традиционные связи семейства позволили действовать достаточно результативно. Общее число

заговорщиков достигало 300 человек.

В ночь на 11 марта Платон Зубов объявил офицерам-заговорщикам, что законным наследником Екатерины согласно ее завещанию является Александр, поэтому нужно заставить императора Павла отречься от престола. Формально Зубов возглавлял вторую колонну, направляющуюся к Михайловскому дворцу. Он трусил и, когда часовые подняли шум, в испуге остановил отряд и хотел скрыться. Фактический руководитель колонны Беннигсен остановил его: «Как! Вы сами привели нас сюда и теперь хотите отступить? Это невозможно, мы слишком далеко зашли, чтобы слушаться ваших советов, которые нас ведут к гибели. Жребий брошен, надо действовать. Вперед!» [15, с. 273]. П.Зубов вместе с Аргамаковым и Беннигсеном первыми вошли в покои императора. При виде пустой постели царя у Платона Александровича началась истерика. После того, как Павел был обнаружен, Зубов потребовали от него подписать отречение. Между ними возникла перепалка, переросшая в роковую драку, закончившуюся гибелью императора.

После переворота, несмотря на внешнюю любезность со стороны Александра I, Зубов опасался наказания [15, с. 409]. Назначение в Непременный Совет, видимо, возродило у него какие-то надежды занять высокий пост. Чтобы продемонстрировать свое соответствие новым веяниям, Платон Александрович, неотягощенный образованностью и

практическим опытом, кинулся сочинять конституцию и проект отмены крепостного права. Расчеты на монаршую благосклонность не оправдались, и в декабре 1801 г. Зубов попросился в заграничный отпуск. Из политического небытия его извлекли в 1812 г., однако появление в армии человека, не имевшего никакого боевого опыта, вызвало только раздражение. С 1814 г. он жил в своем литовском имении, где снискал репутацию настоящего крепостника и скупого барина.

Дворцовые перевороты XVIII в. повлияли на отношение к автори-

тету монархии и личности императора. Отстранение императора во имя государственной необходимости уже стало привычным оправданием. Однако идея цареубийства все же обществом еще не воспринималась. В заговоре 1801 г. узкоэгоистические интересы организаторов и участников превалировали над идейными мотивами. Тем активнее они пытались представить его как спонтанный, а цареубийство как непреднамеренное. Их последующая судьба оказала влияние на эволюцию взглядов на монарха как простого смертного.

Список литературы

1. Архив Воронцовых. М., 1876, Т. VIII.
2. Архив Воронцовых. М. 1880. Т. XVIII.
3. Архив Воронцовых. М., 1881. Т. XX.
4. Архив Воронцовых. М., 1883. Т. XXVIII.
5. Валишевский К. Павел I. Сын Екатерины Великой. М., 2003. 106 с.
6. В.Н. Головина Мемуары. М.: АСТ: Астрель: Люкс, 2005. 402 с.
7. Державин Г.Р. Сочинения. СПб., 1872. Т. 7. 757 с.
8. Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство от Петра Первого до наших дней. М., 2008. 536 с.
9. Исторический вестник. 1917. № 5.
10. Материалы к жизнеописанию графа Н.П. Панина /Изд. А. Брикнер. СПб., 1892. Т. VI. 445 с.
11. Мемуары кн. А. Чарторыйского. М., 1912. Т. 1. 765 с.
12. Общественные движения в России в первой половине XIX в. СПб., 1905. Т. 1. 496 с.
13. Пигалев В. Убийство Павла I // Страницы минувшего. М. 1991. 624 с.
14. Русский архив. 1868.
15. Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1908. 444 с.
16. Эйдельман Н. Грань веков. М., 1989. 22 с.
17. Bienemann Fr. Aus der Tagen Kaiser Paulus. Leipzig, 1886. 240 p.

References

1. Arkhiv Vorontsovykh. M., 1876, T. VIII.
2. Arkhiv Vorontsovykh. M.1880. T.XVIII.
3. Arkhiv Vorontsovykh. M, 1881. T. XX.
4. Arkhiv Vorontsovykh. M, 1883. T. XXVIII.
5. Valishevskii K. Pavel I. Syn Ekateriny Velikoi. M.,2003.106 s.
6. V.N. Golovina Memuary. M.: ACT: Astrel': Lyuks, 2005. 402 s.
7. Derzhavin G.R. Sochineniya. SPb., 1872. T 7. 757s.
8. Ivanov V.F. Russkaya intelligentsiya i masonstvo ot Petra Pervogo do nashikh dnei. M., 2008. 536 s.
9. Istoricheskii vestnik. 1917. № 5.
10. Materialy k zhizneopisaniyu grafa N.P.Panina /Izd. A. Brikner. SPb., 1892. T. VI. 445 s.
11. Memuary kn. A.Chartoryiskogo. M., 1912. T. 1. 765 s.
12. Obshchestvennye dvizheniya v Rossii v pervoi polovine XIX v. SPb., 1905. T.1. 496 s.
13. Pigalev V. Ubiistvo Pavla I./Stranitsy minuvshogo. M. 1991. 624 s.
14. Russkii arkhiv. 1868.
15. Tsareubiistvo 11 marta 1801 goda. Zapiski uchastnikov i sovremennikov. SPb., 1908. 444 s.
16. Eidel'man N. Gran' vekov. M., 1989. 22 s.
17. Bienemann Fr. Aus der Tagen KaiserPaulus. Leipzig, 1886. 240 r.